

П. Лавров

**Сборник македонских песен,
сказок и обычаев**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
П11

П11 **П. Лавров**
Сборник македонских песен, сказок и обычаев / П. Лавров – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 72 с.

ISBN 978-5-458-42383-0

В статье дан обзор деятельности С. И. Верковича, известного собирателя
народных преданий, песен, рукописей южных славян.

ISBN 978-5-458-42383-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

напомянуть о славянскомъ происхожденіи населенія отдѣльныхъ частей Македоніи. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ данномъ случаѣ въ литературѣ уже были данныя о языкѣ Дебрянъ.

Въ Кою были помѣщены статьи Григоровича, который напечаталъ въ этомъ журналѣ записанныя имъ пѣсни. А въ Ковчежій¹⁾ о томъ же предметѣ говорилъ В. Караджій. Въ статьѣ Срби сви и свуда, написанной въ 1836, читаемъ: Достоверно извѣстно, что сербы теперь живутъ въ нынѣшней Сербіи между Дриной и Тимокомъ и между Дунаемъ и Старой планиной, въ Метохиі (отъ Косова чрезъ Старую Планину, гдѣ столица Душана Призренъ, сербская патріархія Пеѣ и монастырь Дечани), въ Боснѣ, Герцеговинѣ, Зетѣ, Черногоріи, Банатѣ, Бачкой, Сремѣ, по правому берегу Дуная выше Осѣка до Сентъандреа въ Славоніи и Хорватіи (какъ турецкой, такъ и австрійской), въ Далматіи и по всему Адриатическому приморью отъ Триеста до Бояны. Оттого я выразился достоверно извѣстно, потому-что еще мы не знаемъ доподлинно, сколько сербовъ въ Албаніи и Македоніи. Я на Цетинѣ въ Черногоріи разговаривалъ съ двумя Дебрянами, которые мнѣ говорили, что тамъ у нихъ много сербскихъ селъ, въ которыхъ говорятъ по сербски такъ, какъ они говорили, т.-е. языкомъ представляющимъ нѣчто среднее между сербскимъ и болгарскимъ, но опять таки болѣе близкимъ къ сербскому, чѣмъ къ настоящему болгарскому²⁾.

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Вукъ Караджій признаетъ пробѣлъ въ своихъ трудахъ по собиранію данныхъ, касающихся сербской народности. Съ тѣхъ поръ какъ я началъ собирать сербскій этнографическій матеріалъ, хотѣлось мнѣ посѣтить юго-восточные края нашего народа, а также Боснію и Герцеговину, но и до сихъ поръ не удалось этого сдѣлать, и по всей вѣроятности я унесу съ собой на тотъ свѣтъ это желанье.

---

1) Ковчежій за историју, јејик и обичаје срба сва три закона. У Бечу. 1849.

2) Разумѣется В. Караджій имѣеть здѣсь въ виду восточно-болгарское нарѣчіе, литературный болгарскій языкъ.

Быть можетъ отъ Верковича, жившаго въ Македоніи, ускользнула эти заявленія, а возможно, что и независимо отъ этого было полезно напоминать о славянствѣ этихъ далекихъ отъ культурныхъ центровъ уголковъ славянства.

Сборникъ Верковича вмѣстѣ съ вышедшимъ въ томъ же году въ Загребѣ сборникомъ братьевъ Миладиновыхъ безусловно обогащалъ знакомство съ этнографіей и народнымъ творчествомъ тогда еще во всякомъ случаѣ мало извѣстныхъ мѣстностей Македоніи.

Но уже изъ того, что было выше сказано, можно было видѣть, что не весь собранный Верковичемъ матеріалъ вошелъ въ эту книгу.

Въ концѣ предисловія объ этомъ сказано: «кромѣ этого сборника женскихъ пѣсенъ я собралъ, какъ и выше было сказано, значительное число мужскихъ, трапезарскихъ и юнацкихъ пѣсенъ, которыя, если Богъ дастъ, издамъ въ свѣтъ въ другой книгѣ — тѣмъ болѣе, что надѣюсь ихъ умножить и привести въ порядокъ — и такимъ образомъ сообщу ихъ, а также и пародныя сказки македонскихъ славянъ, любителямъ славянской пародной словесности».

Къ сожалѣнію такъ усильно начатое дѣло вскорѣ получило у собирателя совершенно ложное направленіе. Предисловіе къ столь извѣстной «Веда словеса български народни песни отъ предисторично и предхристиянско доба» объясняетъ намъ, какъ это случилось. Издатель этого сборника жалуется, что древности славянскаго племени такъ мало извѣстны. Не сохранилось у славянъ воспоминанія о томъ мѣстѣ, откуда они вышли, ни произведеній ихъ ума, ни дѣлъ ихъ рукъ отъ языческой эпохи. Оттого у иностранныхъ писателей и представителей современной цивилизаціи распространены предразсудокъ, что славяне не только не внесли ничего своего въ культуру человѣчества, но скорѣе ей вредили, время отъ времени истребляя опустошительными набѣгами съ большимъ трудомъ скопленные культурныя богатства народовъ, одаренныхъ выдающимися способностями и талантами.

Таковы были народы Индіи, финикійяне, предшественники грековъ и египтянъ. Страшные опустошители среднихъ вѣковъ, обратившіе въ прахъ и пепель всѣ завоеванія языческой культуры, каковы Гунны, Татары, Вапдалы, Готы, разсматриваются подобными учеными за ближайшихъ друзей и непосредственныхъ родичей Славянъ. Думаютъ, что до крещенія Преславскаго владѣтельнаго дома у славянъ не было никакого понятія объ азбукѣ, никакихъ слѣдовъ письменности... У Верковича зарождалась мысль опровергнуть такой взглядъ на славянъ, и онъ сдѣлалъ это весьма оригинально. Вотъ, что онъ говоритъ по этому поводу далѣе: «Поселившись въ классической полной дорогихъ воспоминаній Македоніи ради обследованія и сохраненія памятниковъ старины во время своихъ частыхъ поѣздокъ, которыя я предпринималъ во всѣхъ направленіяхъ по балканскому полуострову, помимо собиранія предметовъ археологическихъ наблюдая типы, склонности, свойства и обычаи разныхъ племенъ, живущихъ теперъ въ этой знаменитой древней области, отечествѣ классической образованности, къ величайшему удивленію я замѣтилъ большое различіе между тѣмъ, что я слышалъ въ школахъ о греческомъ племени, и тѣмъ, что я увидѣлъ на самомъ дѣлѣ своими глазами, а именно, что ему не достаетъ кое чего въ цивилизаторскомъ дарованіи, чего бы не должно быть, если бы была правда то, что говорится о немъ въ этомъ отношеніи.

Оставляя въ сторонѣ все другое, назову только музыку и поэзію, считающіяся краеугольнымъ камнемъ первобытной человѣческой культуры; склонности къ нимъ у современныхъ грековъ я не замѣтилъ, между тѣмъ какъ болгарскіе славяне отдаются имъ съ такимъ энтузіазмомъ и любовію, что едвали ихъ можетъ въ этомъ отношеніи превзойти какое либо другое славянское племя.

Много разъ случалось мнѣ лѣтомъ проходить черезъ поля и луга грековъ, переполненные рабочими, и никогда, до моихъ ушей не достигало звуковъ какой нибудь пѣсни или веселаго говора, каждый разъ по обѣимъ сторонамъ пути владѣла такая

тишина, что, мнѣ казалось, здѣсь работаютъ не живыя существа, а какіе то автоматы.

Напротивъ, проходя среди краевъ, заселенныхъ славянами, я еще издали узнавалъ ихъ и не по чему либо другому, а единственно по звучному далеко по горамъ и доламъ разносящемуся эху ихъ пѣсенъ».

Эти наблюденія склоняли Верковича къ предположенію, что неосновательны заключенія о исключительныхъ цивилизаторскихъ дарахъ грековъ, что не только они не были единственными учителями и просвѣтителями человѣчества и въ частности народовъ Южной Европы, но что и славяне имѣли съ незапамятныхъ временъ свою собственную старую культуру.

Но недостаточно было выступить съ такимъ предположеніемъ, надо было его подкрѣпить фактами. А гдѣ ихъ искать?

Въ памятникахъ письменности было бы бесполезно: вся самобытная дохристіанская культура славянъ безошадно истреблена съ обращеніемъ ихъ въ христіанство. И вотъ Верковича осянула мысль попытаться искать подтвержденія своей гипотезѣ въ народномъ преданіи живущихъ въ Македоніи славянъ. Духовная жизнь славяпъ оставила наиболѣе важныя слѣды въ народномъ преданіи, въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, въ которыхъ съ наибольшою вѣрностію отразился ихъ характеръ и складъ мышленія.

Счастіе благопріятствовало Верковичу. Приступивъ къ собиранію пѣсенъ и сказокъ македонскихъ славянъ, онъ съ начала марта мѣсяца 1856 въ продолженіе четырехъ лѣтъ успѣлъ собрать около тысячи пѣсенъ и сказокъ, но къ сожалѣнію собранный матеріалъ не давалъ объясненія поставленной собирателемъ задачи: это были большею частію женскія любовныя лирическія пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя онъ напечаталъ въ 1860 г. въ Бѣлградѣ.

Не находя искомого, Верковичъ обратился къ пріятелямъ съ просьбой поискать, не найдутся ли историческія пѣсни о македонскихъ царяхъ Филиппѣ и Александрѣ, равнымъ образомъ и

о знаменитостяхъ древней Эракіи напр. о эракійскомъ пѣвцѣ Орфеѣ и другихъ лицахъ, извѣстныхъ въ мѣстной исторіи, и въ случаѣ, если что либо подобное найдется, доставить ему.

Весьма интересно чистосердечное признаніе собирателя, что многіе были удивлены такой затѣей. Ему говорили, какъ могла ему придти въ голову такая мысль, когда общеизвѣстно, что до времени Ираклія не было и слѣда славянъ на балканскомъ полуостровѣ, при такомъ условіи какъ же у нихъ можно искать пѣсенъ и преданій о такихъ лицахъ древней исторіи, которыя не только не были славяне, но даже болѣе того жили на столько вѣковъ ранѣе появленія славянъ въ этихъ странахъ.

Къ сожалѣнію соблазнъ былъ великъ, и Верковичу не пришлось долго ждать. Время отъ времени ему доставляемы были пѣсни и сказки, но всѣ онѣ были похожи на собранныя имъ ранѣе. Такъ прошло 10 лѣтъ. У него набралось множество пѣсепъ и сказокъ, но въ нихъ не было и слѣда воспомнаній о доисторическомъ и языческомъ прошломъ славянъ.

Верковичъ уже отчаявался получить подтвержденіе своей гипотезѣ, когда вдругъ познакомился съ однимъ македонцемъ, жившимъ въ окрестностяхъ Перинъ планины. Новый знакомый обѣщаль содѣйствовать, но и онъ замѣтилъ, что едва ли можно рассчитывать найти пѣсни объ Александрѣ и Орфеѣ.

Однако черезъ мѣсяцъ была получена тетрадка пѣсенъ, среди которыхъ «волею божіею была одна такая, которая предвѣщала подтвержденіе моихъ смѣлыхъ надеждъ». Это была небольшая пѣсенка объ Александрѣ великомъ.

Верковичъ былъ въ восхищеніи. Онъ благословлялъ божій промыслъ, избравшій его недостойнаго явить изъ тьмы забвенія столь важную тайну.

И такъ родопскіе славяне сохраняютъ живое преданіе даже и о времени Александра великаго. Онъ проситъ въ своихъ письмахъ не забыть и пѣсни объ Орфеѣ. И онъ получилъ вариантъ пѣсни объ Александрѣ, двѣ пѣсни объ Орфеѣ и пѣсню о переселеніи народовъ.

Пѣсню объ Орфеѣ № 15 Верковичъ послалъ на этнографическую московскую выставку для оцѣнки. Пѣсня эта была напечатана съ русскимъ переводомъ В. А. Дашковымъ. Послѣ выставки доставка пѣсень шла очень бойко: въ одинъ годъ было получено 56 пѣсень въ 17.000 стиховъ.

Обладая такимъ богатымъ матеріаломъ, котораго было достаточно болѣе, чѣмъ на одну кипгу, Верковичъ обратился въ Бѣлградъ къ своему старому пріятелю Янку Шафарнку съ просьбой помочь появленію въ свѣтъ собраннаго имъ матеріала. Шафарикъ отнесся къ этой просьбѣ съ сочувствіемъ, находя собранныя пѣсни заслуживающими вниманія. Мы не будемъ останавливаться на краткихъ замѣткахъ Верковича, касающихся содержанія пѣсень. Онъ дѣлаетъ попытки объяснять имя Бѣлага Дуная, бога Вишну, Юды, сурой Ламіи.

Не называя именъ, Верковичъ упоминалъ о скептическомъ отношеніи къ публикуемымъ пѣснямъ со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ.

Находя нужнымъ сообщить, гдѣ и отъ кого записаны пѣсни, онъ предупреждаетъ, что сначала его пріятели собиратели и переписчики не считали важнымъ отмѣтить мѣсто и имя пѣвца и только позднѣе исполнили его просьбу. Въ заключеніе сообщенія этихъ именъ онъ отмѣчаетъ, что всѣ пѣсни получены отъ племенъ помаковъ и морваковъ. Съ своей стороны Шафарикъ въ небольшомъ предисловіи къ первому тому Веда Словена относился съ довѣріемъ къ этимъ пѣснямъ, между которыми однѣ сохраняютъ отголоски глубокой доисторической старины, другія имѣютъ отношеніе къ древней исторіи Македоніи и наконецъ нѣкоторыя восходятъ къ эпохѣ болгарскаго царства. Важность этихъ пѣсень можно видѣть изъ содержанія такихъ, каковы напр. рожденіе бога Вишну; черный годъ; рожденіе Александра; Борись, царь болгарскій, оставляетъ вѣру предковъ. Чтобы облегчить пониманіе издаваемого сборника для европейскихъ ученыхъ, Шафарикъ предложилъ дословный французскій переводъ.

Въ 1881 г. въ Петербургѣ вышелъ второй томъ этого сбор-

ника, заключающей обрядовыя пѣсни. Изъ предисловія видно, что Верковичъ желалъ присоединить русскій переводъ пѣсень, но не могъ найти подготовленнаго переводчика, равнымъ образомъ не удалось ему отыскать болгарина для составленія предисловія на болгарскомъ языкѣ.

Хорошо извѣстна судьба этого сборника. Ученые встрѣтили его неодинаково. Одни придавали ему большое значеніе, вѣря въ его подлинность, другіе отнеслись къ нему съ подозрѣніемъ, считая его фальсификаціей.

Самъ Верковичъ, дорожившій этимъ собраніемъ, какъ драгоценнымъ сокровищемъ славянской народнои поэзіи, съ полнымъ самопожертвованіемъ отстаивалъ подлинность собранныхъ имъ пѣсень черезъ посредство ученыхъ, въ которыхъ онѣ не возбуждали подозрѣнія. И если между славянами—не будемъ говорить о иностранцахъ—находились защитники Веды Словенъ и между ними были не только Яко Шафарикъ, но и такіе извѣстные ученые, какъ напр. Гейтлеръ, Всеволодъ Миллеръ, то уже одного этого достаточно, чтобы извинить довѣрчивость самого собирателя.

Въ Болгаріи столь же понятно въ широкихъ сферахъ Веда Верковича была принята какъ произведеніе народнаго творчества, льстившее патріотическому чувству. А самая мѣстность, гдѣ были найдены пѣсни, отдаленныя и таинственныя Родопы, благоприятствовала довѣрчивому отношенію публики. Пенсія, назначенная Верковичу Народнымъ Собраніемъ, выкупала понесенныя имъ страданія въ дѣлѣ обнародованія Веды и защиты ея подлинности. А съ другой стороны желаніемъ убѣдиться въ томъ, при какихъ условіяхъ произошла эта мистификація, вызваны поѣздки на самое мѣсто экспертовъ изслѣдователей. Результаты этихъ поѣздокъ и еще болѣе доставшаяся въ руки Д. Шишманова переписка Верковича вполне разъяснила дѣло. Верковичъ, увлеченный теоріями о родствѣ славянъ съ народами древняго міра, сдѣлался жертвой увлеченія и, неповинный самъ въ подлогѣ, щедрой раздачей денегъ за пѣсни на извѣстныхъ темы объ извѣст-

ныхъ лицахъ вызвалъ фальсификацію одного учителя Гологанова, который и явился ему поставщикомъ пѣсень.

Погнавшись за несбыточной мечтой найти пѣсни, которыя бы пролили свѣтъ на отдаленное прошлое славянъ, Верковичъ забылъ и оставилъ въ сторонѣ такъ удачно начатыя имъ труды по собиранію подлинныхъ народныхъ пѣсень, которыми такъ богаты македонскіе края. Позднѣе, переселившись въ Болгарію часть собранныхъ имъ ранѣе пѣсень онъ доставилъ редакціи болгарскаго Сборника за народни я умотворенія, наука и книжнина, другая, судя по всему бѣльшая часть этнографическаго матеріала: пѣсни, сказки и народные обычаи, поступила въ бібліотеку Академіи наукъ. Въ болгарскомъ Сборникѣ напечатаны доставшіеся болгарамъ пѣсни. Приготовивъ къ изданію академической Сборникъ, мы въ настоящей статьѣ остановимся пока лишь на отдѣлѣ народныхъ пѣсень, отлагая ознакомленіе съ остальнымъ матеріаломъ до выхода всего сборника въ цѣлости.

Отъ кого и гдѣ записаны пѣсни, это въ сборникѣ не отмѣчено, какъ слѣдуетъ. Мѣстами однако есть указанія. Въ самомъ началѣ пѣсень противъ перваго №-ра стоитъ: отъ Мину Лагад; вѣроятно это имя лица, отъ котораго записаны пѣсни. Возлѣ № 6: песне отъ г. Д. Шишко Висока. Здѣсь имя лица и мѣстности. Разумѣется извѣстное село Висока, о которомъ въ самомъ концѣ сборника помѣщена статья: Обычаи въ Висока и на други села отъ армасани до отъбратките. Передъ № 161 отмѣчено: отъ Никола маисторъ. Дальше никакихъ указаній не имѣется.

Но по языку можно заключить, что всѣ пѣсни записаны въ той мѣстности, гдѣ сохранились слѣды носового произношенія. Благодаря этому весь сборникъ представляетъ большой интересъ.

Значительное число пѣсень относится къ числу эпическихъ. Большинство ихъ принадлежитъ къ циклу краевича Марка. Вполнѣ справедливо то мнѣніе, что этотъ циклъ господствуетъ въ западно-болгарскихъ краяхъ и особенно въ Македоніи. Сборникъ Верковича интересенъ тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о распро-

странности пѣсенъ о Маркѣ на самомъ югѣ Македоніи въ мѣстахъ, близкихъ къ Солуню. Въ восточную Болгарію эти пѣсни проникали рѣже. Въ сборникѣ Венелина напр. всего только двѣ пѣсни воспѣваютъ Марка. Въ сборникѣ Каравелова точно также только три пѣсни о Маркѣ записаны въ придунайской Болгаріи.

Въ сборникѣ Миладиновыхъ едва-ли не всѣ пѣсни, касающіяся Марка, принадлежатъ Македоніи, насколько объ этомъ можно заключать по языку. Въ связи съ этимъ интересно, что размѣръ пѣсенъ, записанныхъ въ Македоніи и Западной Болгаріи, десятислоговой, общій съ сербскимъ размѣромъ. Восточно-болгарскіе варианты напротивъ записаны восьмислоговымъ размѣромъ.

Имѣя въ виду подраздѣленіе пѣсенъ изъ цикла Марка кралевица на опредѣленные группы, какъ это сдѣлано у Халанскаго и Иорданова, предлагаемъ пересказать пѣсенъ, занесенныхъ въ сборникъ Верковича.

1. Дѣтство Марка Кралевица.

Въ Сб. Мян. Нар. Просв. т. VI, стр. 133 есть рассказъ о томъ, какъ Марко получилъ силу, пососавъ молока изъ перекинутыхъ черезъ плечо груди салмодивы.

У Верковича эта тема служитъ сюжетомъ пѣсни № 196.

Марко, еще малое, но неукротимое, удалое дитя пасъ сельскихъ коровъ и телятъ, былъ слабѣе всѣхъ другихъ дѣтей. Одинъ разъ, когда онъ вышелъ въ поле съ своимъ стадомъ, другія дѣти его побили. Марко ушелъ тогда въ зеленый лѣсъ, тамъ нашелъ двухъ маленькихъ ребятъ въ люлькѣ, Марко сѣлъ качать дѣтей. Тогда вышли юды-самовилы и спрашиваютъ Марка, зачѣмъ онъ пришелъ въ лѣсъ. Марко рассказываетъ, что ему стало жаль плакавшихъ дѣтей. Тогда старая юда-самовила вынула свои бѣлыя груди и предложила накормить молокомъ. Марко пососалъ. Самовила послала его поднять камень. Марко хотѣлъ, но не могъ. Самовила дала ему еще пососать отъ

своей груди. Марко сососалъ и послѣ того не только поднялъ, но и далеко бросилъ камень.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ навѣски юнакомъ. Когда послѣ того онъ вернулся къ телятамъ, дѣти вышли его побить. Но Марко схватилъ одного теленка и побилъ ихъ теленкомъ. И сталъ Марко извѣстнымъ по всей землѣ юнакомъ.

Въ прозаическомъ разказѣ Марко также сосетъ молоко въ два приема и его сила увеличивается. Онъ также бросаетъ камень. Но тамъ еще прибавлено, что и извѣстный Шарацъ сербскихъ пѣсенъ, Шарколия болгарскихъ, чудесный копь Марка Кралевича получаетъ свою силу, немного соснувъ отъ груди самовилы. На мѣстѣ плачущихъ дѣтей въ разказѣ небольшая дѣвочка, которая нравится Марку, опъ ее цѣлуетъ и обнимаетъ, и она, дочь самодивы, дѣлается его посестримой. Цѣлые десять лѣтъ Марко ходилъ съ ней по берегу Дуная, и въ другихъ мѣстахъ, насыпалъ по полямъ холмики и игралъ съ ней.

2. Сватовство Марка.

Двѣ пѣсни касаются сватовства Марка за Елену изъ Будима. Мать не позволяетъ взять въ свадебную свиту удалыхъ племянниковъ Марка. На свадьбѣ является пужда показать удалество въ исполненіи задачи, которая даетъ право взять невѣсту. Марко въ затрудненіи. Печально бьютъ барабаны играютъ свирѣли. Ихъ звукъ слышитъ младшій племянникъ и, явившись на свадьбу, выручаетъ дядю. Другая пѣсня № 160 болѣе короткая и съ поздними эпическими чертами.

1. № 5. Краль Марко посватался къ Еленѣ изъ Будима града. Позвалъ три села кумовъ и другія три села сватовъ; закололъ девять телятъ, ѣдятъ, пьютъ, веселятся. Пришло время идти за невѣстой и они отправились въ Будимъ. Когда они подошли близко къ Будиму, вышли изъ города семьдесятъ юнаковъ, поставили рядомъ семьдесятъ тяжелыхъ палицъ и говорятъ Марку: кто юнакъ изъ юнаковъ перескочитъ черезъ нихъ, тому дадимъ